

куют как свидетельство о пороке, весьма распространенном у англо-саксов.¹ Вместе с указанием на гибельность «чужих женщин», два этих неясных стиха представляются единственными, которые с известной натяжкой можно связать с конкретной культурно-исторической обстановкой англо-саксонской жизни. «Отцовские поучения», — замечает, в свою очередь, А. Brandl, — не знают более ни героических, ни придворных идеалов. Они хотят так воспитать молодых людей, чтобы они получили счастье в жизни, советуют им покорность хорошим наставникам, любовь к тем родным, которые преданы богу, и предостерегают от нее по отношению к тем родственникам, от кого бог отвернулся. Автор произведения был, повидимому, духовным лицом. От языческой традиции здесь не осталось уже почти ничего.¹ Из указаний текста памятника на то, что ученик (сын) обладает богатством (v. 5), что о нем заботятся не один, а многие наставники (v. 13), и что он растет для того, чтобы получить власть в свои руки (v. 26), Брандль делает заключение, что стихотворение приравнено для обучения королевича и что, как таковое, оно является древнейшим памятником этого рода дидактических произведений, сохранившихся на английской почве. Слишком общий характер его рассуждений и незначительность интереса его с культурно-исторической точки зрения были, вероятно, причиной недостаточного внимания к нему со стороны исследователей англо-саксонской литературы.

Тен-Бринк² первый высказал предположение, что генетически «Отцовские Поучения» восходят к библейской книге «Притч» Соломоновых. «Идея такого рода произведения, — пишет он, — по крайней мере в общих чертах, могла быть заимствована из книги «Притч» Соломона (*Proverbia Salomonis*), откуда и напоминающие ее предостережения по поводу чужих женщин.³

¹ E. Budde. Die Bedeutung d. Trinksitten in d. Kultur d. Angelsachsen. Jena, 1906, S. 8.

² Alois Brandl. Geschichte der altenglischen Literatur, Strassburg, 1908, S. 22 («Grundriss» Пауля, S. 962). Ср. также Stopford A. Brooke, English Literature from the beginning to the Norman Conquest, London. 1899, p. 206, 326—327.

³ Что касается выражения *fremdre meowlan*, то Тен-Бринк, повидимому, имеет в виду то место «Притч» Соломоновых (V, 16—19), где говорится о «чужих» женщинах; его толкуют как обозначение женщины — прелюбодейки, нарушительницы брачных уставов. Ernest Bertheau. Die Sprüche Salomo's (Kurzgefasstes exegetisches Handbuch zum alten Testament. VII), Lpz, 1847, S. 11—12 сопоставляет указанное слово с другим, близким ему, обозначающим «не принадлежащую дому и тем самым не правомочную женщину», но «nicht die Ausländerin, die nicht-Israëlitin, woran viele denken, meinend dass die Öffentlichen Buhlerinnen vorzugsweise ausländische Frauen gewesen seien (vgl. J. F. Frisch, Commentatio de muliere peregrina apud Ebreos minus honesta habita, 1774); 70 толковников считают «чужую женщину» текста «Притч» персонификацией греха и переводят его произвольно. Англосаксонский термин употребленный в v. 39, в виду его неопределенности, дает повод к различным толкованиям. «Имеются ли здесь иноплеменницы [женщины чужих племен или национальностей] или это выражение имеет здесь особое значение?» спрашивал А. Ebert (op. cit, S. 86). Reinhold Schmid